

18+
Леонид Хромов

ПРОСТО ПРОЙТИ ПО УЛИЦЕ

Леонид Хромов

Просто пройти по улице

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49602674

ISBN 9785005098207

Аннотация

Что может объединить античного философа и китайского идола? Прогулка по старинной улице Москвы. В компании властителей дум и вершителей судеб из разных эпох, представивших парад типов личности по системе А. Е. Личко. Которые помогут познакомиться с заболеванием молодых «Рассеянный Склероз» и показать, как оно ведет к положению безнадежного лежачего инвалида. Вопрос «Смириться или оказать сопротивление?». Как устранить причину заболевания и исполнить самые невероятные мечты.

Содержание

Предисловие	5
Сон в зимнюю ночь	5
Часть первая	13
Гений и лакей	13
Памятник неизвестным	26
Райком и мавзолей	29
Карта на стене	31
Купец «М»	33
Гимназист на тумбе	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Просто пройти по улице Леонид Хромов

Марина Шатуленко *Иллюстратор*

Мария Бангерт *Дизайнер обложки*

Венера Ахунова *Корректор*

Федор Хромов *Соавтор*

© Леонид Хромов, 2021

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2021

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0050-9820-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Сон в зимнюю ночь

Сон, странно преобразенные мысли. Недавние и давно забытые. Человек не ждал ночного звонка из «Роскосмоса». Голос из телефона сообщил ему, что имеется сложное задание.

– От него все уже отказались. И тогда вспомнили о вас.

– С чего бы? – удивился человек.

– Когда-то вы прошли онлайн-обучение, о чем вам был выслан документ государственного образца.

– Ах, да, – вспомнил человек. – Чему только ни учился. Лежит в тумбочке.

– Вот и хорошо. Какие кнопки нажимать, надеюсь, вспомните. За вами выехали. Старт завтра.

– Подождите, в чем сложность?

– На МКС авария. Придется его затапливать. Но там застряли туристы. Будем возвращать их на вашем корабле. Сколько в нем поместится. Для вас это полет в один конец.

«Ладно, – подумал человек. – Придется лететь. Долго ждал. Если откажусь, больше не предложат».

Стартовал и долетел. На станции паника. В корабль все не помещаются. Совсем дикие оказались. Видно, в час пик

в метро не ездили. Выгнал всех. Стал «упаковывать» сам. В конце дал команду: «Теперь все выдохнули. Еще один поместится». Запихнул к ним последнего. Задраил люк и отправил на Землю. Пусть впечатлений набираются.

Поплыл в невесомости, придумывая, чем заняться. Обожгла мысль: «У меня же кот в квартире остался. Забыл соседку предупредить. Придется возвращаться. На чем? Хоть на велосипеде. Здесь ресурс безопасности многократный. Что-то должно найтись. Спускаться придется не спеша. Желательно не приземлиться в океан, льды и тайгу. Если не ждут, искать не будут. Посматривать надо, когда парашют открывать».

Все получилось удачно. Темнеет. Он идет по лесу. Впереди свет...

Длинный деревянный дом. Мелькнуло слово «барак».

Заходит. В помещении тесно. Люди сидят или лежат. Разговаривают. На него внимания не обращают.

Неожиданно узнает пионерский лагерь из своего детства. Вспоминает давно забытые спальные корпуса, лес, тропинки и детскую железную дорогу на территории. В дальнем углу видит свободную койку. Занимает ее. Необходимо отдохнуть. Прикрыл глаза. И сразу открыл. Пустое помещение. Он наг. Стыд. Вышел из корпуса. Привязались два помешанных старика, наперебой предлагая экскурсии. Глупцы. Не понимают, в какой беде человек. Категорически им отказывает. Необходимо разобраться, что происходит. Невзначай инте-

ресуется: «Как вы здесь живете?» Ему отвечают, что здесь ОНА. Девочка, всегда приезжавшая на все смены. Жившая в одной комнате. И потом приезжавшая каждое лето. Теперь она старуха и живет в своей комнате постоянно. К ней надо непременно пойти и представиться. Нет, он не пойдет. Он ее знает. Девушку, о которой мечтал, но к которой не решился подойти. Или нет, это не она. Это, несомненно, мама. Значит, теперь она живет здесь. Что он ей скажет? Чем оправдается? Он себя никогда не простит. Нет, он точно не пойдет. Нахлынуло чувство вины. Слов оправдаться нет. Вдруг перехватывает дыхание. Невозможно сделать вдох. Это его конец. Сердце остановилось. Он понимает – это его сон. Скверный. Он может не проснуться. Начинает задыхаться. Необходимо совершить невозможное усилие. Перевернуться и попробовать сделать выдох. Собрав все силы, переворачивается и кричит. Тихо, хрипло. Спящий мегаполис ничего не услышал. И, как великое счастье, он начал дышать. Немного успокоился. Что это было? Глупая страшилка? Первый звонок о краткости жизненного мига? Люди не узнают, как несложно стать безнадежно больным. Хронику великого сражения за фантастическую мечту. Вставать среди ночи незачем. Надо постараться заснуть.

Ночь. Зима. Пустая комната, освещаемая уличными фонарями.

В окно видны освещенные рекламным светом верхние этажи небоскреба, ниже которого темнеет громада «сталин-

ского» дома. Впереди него невысокие старинные главы храма. Перед окном качаются черные ветки дерева.

На столе стоят две статуэтки. Первая – очень толстый китайский божок, символ богатства и удачи. Лысый, смеющийся, счастливый. Покрытый золотой краской. Украшенный драгоценностями. Держит коромысло, на одном конце которого монета счастья, на другом – корзина золотых слитков.

Вторая – бюст древнего философа и целителя в белых одеждах. С пристальным взглядом и рядами морщин на лбу.

Между ними закрытый ноутбук. Человек, работавший с ним, ворочается в соседней комнате.

Китайский божок вдруг опустил на подставку свою всегда поднятую правую ногу. Затем положил на пол коромысло и потянулся с видом человека, у которого сбылась заветная мечта. В несколько шагов обошел корзину и сел на золото, положил руки на колени и внимательно посмотрел на соседа.

– Напрасно, скажу я вам, вы со мной в молчанку играете, – сказал он. – Поверьте, от вашего высокого статуса после нашей беседы не убудет. И почему бы вам ненадолго не выйти из мира гениальных мыслей и не пообщаться с соседом, рядом с которым вы, между прочим, стоите не первый год? Я, к примеру, в прошлой жизни был простым монахом и предсказывал погоду на рынках. Из-за тучности, жизнерадостности и удачливости дослужился до статуса самого популярного сувенира Азии.

И вот теперь перед вами всем довольный молодой бог. Хо-

тя у меня, конечно, вашего опыта нет. Забавно получилось, как в старой песенке.

Белая голова бюста повернулась к собеседнику. Тяжело вздохнула. И преобразилась в величественную фигуру, преисполненную достоинства, в белых одеждах, ниспадающих красивыми складками.

– Вот и славно, – одобрил китаец. – Особое спасибо за преображение без свитков, палок и змей. Думаете, просто общаться с бюстом на стержне?

Философ неспешно, чтобы не упала тога, повел плечом.

Произнес задумчиво:

– Если вы хотите напомнить, что представляете цивилизацию, которой более пяти тысяч лет, об этом никто не забывал, – и продолжил: – Любуюсь, между прочим, вашим всегда приподнятым настроением.

Собеседник расхохотался:

– Уж извините, ответить любезностью не смогу. Не буду напоминать, в каких случаях лица называют вашим именем.

– Не будем использовать в беседе медицинские термины, – согласно кивнул философ. – Есть в моем искусстве и трагические составляющие. С вашим образом несовместные.

– Печаль мне не грозит, – рассмеялся весельчак. – Если начну грустить, могу похудеть, и что тогда гладить людям, загадывающим исполнения своих желаний? Без таких оптимистов, как я, мир станет скучнее. Почему так? – божок рас-

цвел в улыбке. – Давайте поменяемся ролями, будет забавно.

– Не выйдет, – покачал головой древний грек. – Очевидно, что уныние не для вас. Как не для меня безудержное веселье. Помню, создал учение о темпераментах людей. В своем корпусе описал основные черты четырех типов, из которых производится множество вариантов.

Вас, полагаю, можно отнести к типу людей подвижных и веселых. Как меня – к числу спокойных и рассудительных.

– И почему, позвольте спросить, они такие разные? Чтобы жить не скучно было?

– Не только. Предположил, представьте себе, что поведение человека зависит от соотношения соков, циркулирующих в организме. Крови, желчи, черной желчи и слизи. И по этой причине даже рекомендовал лечить всех людей не одинаково, а согласно их темпераменту.

– Значит нас с вами, к примеру, должны лечить разными таблетками? Очень забавно, хоть и, простите великодушно, для современной науки – мракобесие. Да, кстати, о самом благородном из искусств. Вы слышали крик в соседней комнате? Кажется, что при негативном развитии событий мы перестанем украшать собой видное место. Окажемся забытыми в пыльном углу. Или пополним ближайшую помойку.

– Допускаю. Не стоит допоздна смотреть фантастику. Любое возбуждение и сильное проявление чувств опасно. Даже во сне. Ночь – время сложное. У него проявилось чувство вины. Тяжелые воспоминания. С вашей точки виден экран.

Чем человек интересуется, кроме фильмов?

– Рудиментами. Статьями об истории домов, архитектуре. Старыми почтовыми марками. И, представьте, классификациями типов людей.

– Понимаю, вы ведете разговор к тому, что в наших интересах помочь человеку пережить ночь. Отвлечь от негативной оценки воспоминаний, его сильно огорчивших.

– Вы очень проницательны. Почему не сделать доброе дело? Придется заглянуть в его сон. Определить причину, его расстроившую. И в этот миг наградить дорогим подарком. Знаю я людей. Славой, богатством или властью. И он будет счастлив, сразу забыв неудачи.

– Могу представить вас в чужом сне с коромыслом.

Божок изобразил обиженную гримасу. Встал. Поднял свой груз и сделал легкое движение ладонью. И преобразился в известного клоуна с цветком в руке. Поклонился и сказал:

– Разрешите представиться, Холщов-Мешковский, лицедей. Как видите, могу принять вид любого человека. А если надо, хоть парад трудящихся на площади Тяньаньмэнь. В костюмах и с декорациями. План такой: появляюсь в его сне. Где утро проснется, солнце смеется. В заветном месте, связанном с его детством. В виде его кумиров. Как он их воспринимает. Необходимую информацию возьму из его памяти. Воспоминания, которые его мучают, предстанут как наивные и забавные. Покажем их счастливое завершение. И доброе

дело сделано. Непростую ночь он благополучно переживет.

Философ сказал задумчиво:

– План любопытный. Но что-то подсказывает, будто в жизни все не так просто. Пожелаю вам удачи. Не будьте строги к моему адепту. Если что-то пойдет не так, мне придется вмешаться.

Часть первая

Гений и лакей

Пенсионер понял, что стоит на знакомом перекрестке. Почему сегодня он оказался именно здесь? Заповедных мест в его памяти немало. Просто оно сохранилось лучше прочих. Точнее, понесло меньше потерь.

Впрочем, по недоброй традиции статус переулка давно изменен.

Трехэтажный дом в начале переулка перестроили, причем очень достойно, не выйдя за размеры оригинала. И предчувствие. Именно сейчас должно начаться что-то важное для него.

Услышал, как издали приближается веселая музыка. Все громче трубят трубы и бьют барабаны. Старик на всякий случай зашел за открытую решетку в подворотню. По бывшему переулку от Яузы шел духовой оркестр и исполнял жизнерадостные мелодии.

Музыканты были одеты в сюртуки позапрошлого века. И каждый с приклеенными бакенбардами. Все в черных париках и цилиндрах.

За оркестром шла толпа, состоявшая в большинстве из людей тоже в цилиндрах и с бакенбардами. В руках они

несли портреты известного поэта или его книги. Или таблички с его ставшими крылатыми строками. Или с фразами о поэте. Через каждые сто метров оркестр останавливался и умолкал. Чтецы читали стихи, знакомые каждому с детства. Затем вступал оркестр, и движение возобновлялось. Старику вдруг померещился парящий в воздухе президентский лимузин *Aurus Senat*, из заднего окна которого Великий Поэт приветствует своих почитателей.

Благосклонно смотрит вниз и одобрительно качает головой. И сам он, и одежда его переливаются чистым золотом. И вокруг него светящаяся аура, от которой иногда отрываются яркие капли и, как маленькие кусочки солнца, неторопливо падают на землю.

Пенсионер опустил голову и спросил себя: «Зачем нашему Гению такие большие сережки?» – и, зажмурившись, отогнал видение.

Радостная колонна уже огибала угол и уходила. Не готовый к участию в непредусмотренном празднике, старик затаился в спасительной тени то ли прохода, то ли парикмахерской. Устроившись в надежном углу, проворчал: «Видел бы этот парад виновник торжества».

Скрыться от пронизательных глаз женщины с репродукцией портрета кумира кисти Тропинина не удастся. Смерив нового знакомца строгим взглядом, она сухо поздоровалась и поинтересовалась: «Как можно не участвовать в акции памяти нашего Великого Поэта? Для этого непременно надо

получить необходимый реквизит и пройти в колонне до места заключительного флешмоба». Но несознательный соотечественник только благодарил за приглашение, извинялся и отказывался, уверяя, что сегодня нет возможности. И поинтересовался: «Кто и по какому поводу на такую красоту потратился?»

Его собеседница огорчилась таким ответом. Объяснила: «Дело не в рекламе одного из телеканалов, а в том, что каждый культурный человек должен принять участие в „Прогулке в цилиндрах“. Потому что он – свет нашей поэзии и наше ВСЕ».

Уходил звук оркестра. Старик остался один в полутьме. «Учительница» права, для нашего народа Поэт – великий Гений. Это общепризнано. Но сегодня ему надо пройти свой путь. Одному. Интересно, как бы сам Поэт отнесся к этому джазу и будущей дискотеке? Риторический вопрос. Где знатный франкоязычный энциклопедист, образчик аристократизма и где эта «массовая культура»? Разные полюса. «Любопытно, – подумал старик, – представить ЕГО как живого человека. Не барельеф на школе, не плакат в классе. Сегодня, когда все желания непременно должны исполняться».

Вдруг он понял, что уже не один в своем убежище. Недалеко от него, несколькими ступеньками выше, была видна тень человека, который вышел из-за стеклянной двери, осторожно оглядываясь.

Небольшого роста, в длинном сюртуке и цилиндре, лицо

закрыто шарфом по глаза. В руках тяжелый узел, под мышкой трость. Увидев соседа, незнакомец отшатнулся. Потом успокоился и, слегка поклонившись, произнес:

– Bonjour, старче.

– День добрый, молодой человек, – поздоровался старик и поинтересовался: – Устали от праздника? Решили от колонны отстать?

Его собеседник опустил узел на пол, размотал шарф, закрывавший лицо.

– Представьте, не такой уж молодой. В мое время сорокалетних людей стариками почитали. Представляться не буду. Излишне. Надеюсь, вы не из фанатичных поклонников?

Да, это был ОН! Только постаревший. С поредевшими волосами и печатью усталости на челе.

– Согласиться не могу. Здесь все ваши почитатели. Каждую строчку, даже пометку, храним как бесценное сокровище. Вы из какого года возникли?

– Значит, икону из меня сделали. Только, умоляю, на колени не падайте, ничего, кроме ботинок, не увидите. В творчестве, признаюсь, всегда был изящен и вполне порядочен. А прочее теперь уже не важно. Из какого года, спрашиваете? Из конца одна тысяча восемьсот тридцать шестого. Кризис душевный. Не пишется. Если не секрет, о чем читать изволите?

– Да безделица. Впрочем, труд называется «Сравнительное исследование типов личности». Представьте, авторы

уверяют о возможности угадать суть человека по некоторым привычкам.

– Странно. Наверное, проще описать человека в стихах или в книге. И все доброе в нем или, наоборот, недостойное, представить.

– Это не каждому дано. Вы гений литературы и это знаете. Нам тоже хочется разбираться в людях и в себе самих.

Поэт задумался. Поставил узел в угол. Снял цилиндр левой рукой и отвел ее за спину. Заложив правую руку за борт сюртука и выставив вперед левую ногу, торжественно произнес:

– Благодарю. Возражать не стану, – затем поинтересовался: – А меня по этой системе за кого почитаете?

Старик тяжело вздохнул:

– Да пустое это. Не доказано никем и не признано. Вот решили, что у каждого человека есть доминирующий тип личности. Причем только на две трети. Проявляется преимущественно в кризисные моменты. Вас, уж извините, отнесли к типу, у коего периоды подъема, в котором люди инициативны, жизнерадостны и общительны, циклически меняются на периоды со спадом настроения. С повышенной чувствительностью к укорам, страхом публичных унижений, склонностью забрасывать дела. Такие спады могут длиться долго.

– Да, пожалуй, так и есть. Уж на две трети так точно. Ничего не мило. Как ни подстегивай себя, – Поэт сделал несколько шагов назад, прислонился к двери спиной и опу-

стиль голову.

– Что же вас так подкосило?

– Хандра. Спрашиваю себя: кто я есть? Мелкий чиновник, имеющий небольшой литературный заработок. Тень красавицы-жены. Представьте, в юности посмеивался над дядюшкой, женившимся на юной красавице, которая его не любила. Теперь сам чашу сию испил. Чувствую себя стариком рядом с молодой женой, около которой вертятся ее ровесники. И всепоглощающая страсть к игре. Оттого вечно в долгах.

– Игровая зависимость как диагноз. И много задолжали?

– По вашим деньгам, миллионов сорок.

– Совсем скверно. Позвольте спросить, что за тяжесть вы с собой принесли?

– Это? Забавная статуэтка. Муза любовной поэзии с лирой. Эрато называется. Представьте, я в этих местах родился и жил до десяти лет. Прекрасно все помню, даже то, что великий пожар уничтожил. Не верю, что здесь, во дворе, ломбард не сохранился. Когда понял, в какое место отправляюсь, захватил «музу» с собой. Не продается вдохновенье, но вещи можно заложить.

– Да, здешний ломбард – известное было место. Помню унылые фигуры, перезакладывающие свое имущество. Они пожелали иметь больше, чем могут себе позволить. Но огорчу. В Москве ломбарды закрывают. На желающих иметь все и сразу зарабатывают банки.

– Досадно. Может, вы посмотрите? Я на подставке этой

безделицы, если пожелаете, автограф поставлю. Можно в стихах.

– Увольте. Этакую тяжесть на прогулке таскать. Собственноручный ваш автограф, поймите, лучше никому не показывать. Могут неправильно понять.

– Нет так нет. Позвольте спросить, по какой необходимости решили со мной встретиться?

– Только выразить восхищение. Как говорится, «ложная тревога». Впрочем, любопытно, как вы относитесь к открытию музея в соседнем доме, который ваш дядя, Василий Львович, несколько месяцев снимать изволил? Вы, если верить памятной доске, там неоднократно бывали.

– А может, и к лучшему, что тревога ложная. Дом этот не припомню. Заезжал в собственный дом дяди, в который он переехал задолго до моего возвращения из ссылки. Это недалеко, если не ошибаюсь, четвертый двор от угла. Но, если хотите, давайте в музей заглянем. Косяки дверей потрогаю да по паркету пройду. Убедимся, что там все без обмана.

– Нет, полагаю, этого делать не стоит. Если кто-то обманываться рад, пусть. Если богиня с лирой похожа на нарисованную на известном вашем портрете, ее в музее непременно купят. Слышал, у них с экспонатами совсем неважно.

– Ловко. И музей выручить, и заработать. Непременно к ним загляну. Инкогнито.

– Есть у меня один личный вопрос. Если появилось у че-

ловека желание своей историей жизненной поделиться, стоит ли ее записать и издать?

– Понимаю. Тревога не ложная. Знаете, я пишу, чтобы дела финансовые поправить, – денег мне государь по милости своей беспроцентно одолжил. Я труды свои издал. Да тираж не раскупили. Выходит, опять убытки. Однако если решились, делайте. Надеюсь, вам больше повезет. Упомяните о «типах личности». Если работы великого Гиппократы забыты.

– Благодарю, шутку оценил. Только я собирался о другом поведать.

– Ах, мой неюный собрат по перу. Другие темы уже написаны, переписаны и никому не интересны. Коснитесь красот наших старинных улиц и их легенд, но слегка, шутя. Умоляю, не занудствуйте.

– Главным считаю коснуться такого возраста, как молодость. И предостеречь об опасности, наивную молодежь подстерегающей.

– Bravo. Представлю себя старым хрычом, а деток славными, молодыми и веселыми. Как мальчишки станут повесничать, девчонки – сентиментальничать. Ах, как любо. Хочу, чтобы ничего плохого с ними не случилось. Кстати, завязка у вашей истории какова?

– Завязка? – старик задумался. – Событие, с которого начинается действие, влекущее за собой последующие события. Признаюсь, об этом не подумал.

– Да, – вздохнул классик. – Совсем нехорошо. Впрочем, не зря я к вам заглянул сегодня. У меня на сюжеты рука легкая. Если желаете вниманием читателей завладеть, дайте больше чудес. Пусть ложь, да весело. Оставим здесь, за дверью, мою ношу. И пройдемся с вами за «несгораемый дом». Надеюсь встретить там своего старинного друга. В дороге взглянем на местную архитектуру, вспомним легенды. Полагаю, местные призраки нам скучать не позволят.

– Да как же это возможно? – удивился старик.

– Давайте попробуем. Что вы можете поведать о доме, находящемся на противоположной стороне переулка?

– Старинный дворец. Раньше считался громадным. Простую коробку архитектор украсил двумя роскошными портиками, выходящими на разные улицы. Перед войной Рабоче-крестьянская Красная армия, владевшая помещением, исказила классические пропорции, добавив верхний этаж.

– Не то. Чем дом вам интересен?

– Двумя любопытными деталями на фасаде. Первая – в треугольнике фронтона, над восьмиколонным портиком коринфского ордера, где ранее располагался герб владельца особняка. Затем двуглавый орел, символ общественного образования. Ныне там красуется орден «Трудовое Красное Знамя».

– Это у вас признанная награда?

– Рудимент времен Гражданской войны. Если райкомы выделяли ордена, ими награждали рабочих. Если таковых

в организации не было, награждались лица, приближенные к начальству. В нашем случае знамя покрашено не в красный цвет. Орден поместили в середину академического знака высшего образования. Странно, размер ордена должен целиком перекрывать нагрудный знак, не наоборот. Противоречие в том, что знамя Парижской коммуны большевики подняли с твердым намерением отречься от старого мира вообще и от академических знаков в частности. И этот знак непрост. Технический вуз имеет знак синего цвета. Здесь белый. Цвет военных училищ или военных кафедр. Орден получен строительным институтом в 1946 году.

После выигранной великой войны рядом с победителями хотели встать многие. И еще. Часто встречается нагрудный знак этого института красного цвета. Возможно, имеется в виду цвет гуманитарных вузов.

Но злые языки уверяют, что здесь, скорее, цвет крови, принятый в академических знаках медицины. Из незаживающих ран, нанесенных древнему городу типовой застройкой. И из шрамов окраин, превращенных в бескрайние, безликие каменные джунгли.

– Любопытно, но многословно. А вторая деталь?

– Много лет назад на доме находились солнечные часы. С непонятными населению черными аллегорическими фигурами. И нехорошей репутацией. При советской власти часы уничтожили. С формулировкой «По просьбе трудящихся».

Но на стене от них осталась плита, историю которой знали не все. Среди неинформированных стали ходить слухи. Ее объявили замурованной крышкой гроба старого колдуна, первого хозяина дома. Неизвестные «очевидцы» уверяли, что на этой доске перед большой войной обязательно появляются красные пятна.

– Неплохой набор. Учебное заведение, старый колдун. Можно добавить девяносто гектаров усадьбы с прудами и садовой архитектурой из моего времени. И, наконец, вспомнить тайную комнату и волшебную палочку. И сюжет намечается.

– Вы о чем? Ни тайных комнат, ни волшебных палочек. Похожая сказка уже написана.

– Будет у нас и то и другое. Если уж я универсальный гений, без чудес не обойтись. Каторжный труд и вдохновение – и необыкновенная трость у меня в руках. Это большой секрет. О нем, конечно, многие знают. Смотрите, легкое движение тростью – и появится любой персонаж, вызванный мною. Вот, пожалуйста. Подать сюда негодника, погубившего алмаз древней отечественной словесности, который я так и не перевел на современный язык!

Взмах трости. Из появившегося облака материализуется фигура. Это детина в лакейской ливрее. Пригнувшись, он размахивает руками, в такт мелодии, которую сам мычит, иногда вставляя французские слова.

При этом заметно, что он сильно пьян и находится в пол-

ном восторге от себя. Увидев незнакомцев, он оторопело останавливается и перестает издавать звуки. Выпрямляется и удивленно озирается.

Поэт направляет на появившийся персонаж трость и приказывает:

– Доложи, бражник, чей будешь и что натворил.

– Да здешнего барина, – кивок на дворец. – Дворовый человек. Приказчик за добром хозяйским смотреть оставил, когда Москву французам отдали. Может, вовсе ничего и не натворил.

– Так ты, значит, пока дядюшки нет, здесь с французами пьянствуешь?

– А пусть и с французами. Если я здесь оставлен, значит, должен принимать гостей. Со всем уважением. Если умная нация побеждает глупую, той положено победителям всячески угождать. Да, открыл для них хозяйскую тайную комнату, которую сам с приказчиком и замуровывал. Пусть видят, какой я есть замечательный человек. И другим расскажут. Только там не богатства оказались, а бумага старая. Для дорогих вещей у приказчика подвод хватило.

– Понятно. Получается, после твоего «хлебосольства» дом не мог не сгореть. Так?

– А пусть и так. Я здесь за хозяина. Чего ты, барин, об том старье? Кому оно нужно? Может, у тебя денег не хватает на новую книжку с картинками?

Поэт сделал шаг к разгулявшемуся лакею. Упер трость

ему в живот и сказал сладким голосом:

– Вывести бы тебя из города да бросить на большой дороге в слезах и истерике. К твоим собутыльникам. Да счастье твое, некогда. Пляши, бражник, и исчезни.

Взмах трости. Персонаж исчезает.

– И вы, господин хороший, будете меня уверять, что перед нами была личность?

– Личности не осталось. Раб своей слабости. Но, замечу, ваша трость – просто чудо. И какие у нее еще возможности?

– Они ограничены только вдохновением и талантом ее владельца. Смотрите.

Возник туман. Такой густой, что стало не видно своей руки, поднесенной к лицу.

Памятник неизвестным

Когда туман рассеялся, Старик увидел, что находится высоко над перекрестком. На чем-то невидимом, но твердом. Стоящий рядом Поэт вздохнул и грустно сказал:

– Невероятно, как быстро меняется город. Прошло около ста лет, а место трудно узнать.

Под ними проходили трамвайные рельсы. А может, рельсы конки.

Плотно прижавшись друг к другу, в начале улицы стояли двухэтажные дома, на верхних этажах которых находились конторы и жилища владельцев. На первых этажах – их лавки. Вдоль улицы выстроились чугунные фонари и ряды молодых деревьев, высаженные с двух сторон.

Хозяином улицы стоял невысокий дворник в фартуке. Неспешно катилась череда подвод. Дама переходила улицу, направляясь в модный магазин на углу. Мальчишка-зевака прислонился к столбу и рассматривал витрину. Около входа в роскошный магазин, торгующий чаем, остановился полицейский, придерживающий форменную шашку. Рядом – недавно построенный высокий доходный дом. Вдали, как небоскреб, возвышается шпиль пожарной каланчи. И за ней – кресты древнего храма. Неспешность. Тишина спокойного города. Насмотревшись, наши герои спустились на противоположной стороне улицы в настоящее время. До-

ма с лавками исчезли. На месте чайного магазина возвысился монумент. Символ скорби и продолжения жизни.

Поэт озадаченно разглядывал памятник странной женщине. Поинтересовался:

– Кто это?

Пенсионер пожал плечами:

– Автор не сказал. На ваше усмотрение.

Поэт уточнил:

– Ребенок ее?

– Тоже не сказал.

Поэт решил разобраться, зачем они здесь.

– Память об ополченцах, остановивших «железных и непобедимых» под Москвой. Кадровых частей не было. Серые шинели. Русские таланты. Необученные. Плохо вооруженные. Они победили ценой огромных потерь.

Поэт кивнул:

– Автору не напомнили о традиции памятные храмы ставить? Или часовни.

– Скульптуру надо творить. Или старые заготовки реализовывать. Произведения на военную тему критиковать не принято. Пусть мой сын помнит: в братской могиле под Москвой и его предок есть.

– Значит, молодец автор. Получил, помню, в приданое за женой чугунную скульптуру. Везде за собой возил. Пристроить не смог. Вы не сказали, как находите монумент?

– Увы, Александра Михайловича Опекушина уже нет. Па-

мятников много появляется. Надо обязать принимающих их диспансеризацию проходить. Зрение проверять. Если мнение населения никому не интересно. Кажется, странная женщина на постаменте смотрит через дорогу. На основании солнечных часов. Молится, чтобы красные пятна не появились. Полагаю, со временем к ней привыкнут. Здесь и не такое видели. Установили большой валун с невнятными знаками на нем, показывающий одобрение правящей тогда партией всех направлений искусства. Как называлось то «чудо», не помню. Может, «Миру мир», может, «Слава труду». Проходящие мимо люди озадаченно пожимали плечами. Тот камень исчез и никого своим видом больше не смущает.

– Вы правы, – согласился Поэт. – Искусство радуется тогда, когда его выбирают и платят за него. И раздражает, когда его навязывают, даже бесплатно.

Райком и мавзолеей

Перешли на противоположную сторону улицы. Старик задумчиво сказал:

– Нет людей, помнивших угловой модный магазин, стоявшие рядом с ним малоэтажные дома. Немногие вспомнят площадь, доминантой которой было здание райкома КПСС, развернутое архитектором для увеличения площади перед ним. Чтобы население в праздничные дни могло восхищаться властью, скромно объявившей себя «умом, честью и совестью эпохи». Не все, что сверху, солнце. Даже «партия, вооруженная самой передовой и единственно правильной научной теорией, и поэтому всемогущая». В школе нам неоднократно напоминали, какие большие люди баллотировались в нашем районе. Призывали быть достойными оказанной нам чести. Но сомнения закрадывались.

Эта история случилась давно. До школы. Родители взяли меня на демонстрацию. Начиналось все замечательно. Хорошая погода, радостные люди. Воодушевление. Долго шли под праздничные марши. Силы закончились. По Красной площади ехал на плечах отца. И мама показывала человека на мавзолее, объясняя, что он в нашей стране самый главный. Смотрел на него, приветствовавшего людей, проходящих внизу.

Махал ему рукой. Огорчился, почему все считают этого

человека глупым. Маленькие дети хотят обнять весь мир. Он сделает что-нибудь достойное. И все поменяют свое мнение о нем в лучшую сторону. Почему взрослые в чудеса не верят? Но даже мимолетная встреча не состоялась. Когда проходили перед мавзолеем, он приветствовал кого-то впереди. И потом сразу кого-то сзади. Не захотел поздороваться. Такая получилась обида.

Поэт улыбнулся:

– Просто оскорбление. Хоть вызов на дуэль посылай.

Старик кивнул:

– Таким не посылают. В стране, даже в нашем детском саду, он был главным объектом анекдотов. Серия, в которой он, находившийся в добром здравии, ходил по загробному миру, мерился с мертвыми и всегда проигрывал, мне не нравилась. Другая, в которой он приходил к душевнобольным, включался в очередную игру, не узнав ее правил, которая заканчивалась его битьем, нравилась.

Теперь на площади банк, широко раскинулся на двух улицах, как победитель. Его построили в девяностых годах прошлого века, когда кредит доверия «лучшей из властей» закончился. Совсем не видно бывшего райкома. Надо обойти банк слева, чтобы увидеть, как красный флаг снова гордо реет на ветру. Над крышей бывшего райкома. Теперь у него другое название. У красного флага иное назначение. Вспоминают князя, правившего более шестисот лет назад.

Карта на стене

А это доходный дом, построенный в начале прошлого века. Сейчас на его стене граффити с героями культового советского фильма. Но они никак не лучше монумента, посвященного им на набережной, где и героев больше и реквизит в виде скамейки имеется. А если бронзовому мальчику нос и погон до блеска начистили, так это проявление уважения.

– Хочу заметить, – сказал Поэт, – история страны не с них начиналась. Могли бы вспомнить, к примеру, молодых генералов двенадцатого года. В треуголках с плюмажем, как на картинах кисти Джорджа Доу. Образы, вызывающие у меня ностальгию. Дело вкуса. К новому надо привыкнуть.

– Не спорю, – согласился пенсионер. – Мне милей грязная от времени карта района, находившаяся долгие годы на этой стене. Обветшавшая вместе с ней, – и неожиданно для себя попросил: – А можно ее вернуть? Ненадолго.

Благосклонный взмах трости.

– На схеме, по форме похожей на остров, узнавал только реку Язу и храм, в котором нас с вами в разные эпохи крестили. Вот как рисовали люди, – продолжая с удовольствием рассматривать ранее раздражавшую его карту, старик поинтересовался: – А у вас какие ассоциации с этой картой?

Поэт задумался.

– А знаете, видится море, счастливое небо. Прелестный

край с природой, удовлетворяющей воображение. Горы, сады. Любимой моей надеждой было увидеть опять полуденный берег Крыма.

Старик согласился:

– Странная карта, пожалуй, напоминала нижнюю часть полуострова, от Севастополя до Феодосии.

И продолжил:

– Когда говорят о Крыме, вспоминаю черно-белый фильм из пионерского детства. Как два товарища его завоевывали. Не забывая при этом документальное кино снимать.

Поэт удивился:

– Простите, благодетель, зачем? Он же с 1774 года наш. Добровольно вошел в состав. После шести лет изнурительной войны.

Старик вздохнул:

– Определенно сказать сложно. Может, хотели счастье людям принести. Или подарить их кому-нибудь, – покачал головой. – Ныне зарубежные политики, проклинающие коммунизм, не спешат расставаться с его дарами. И сохранить их не способны. Но мы здесь порядочно задержались. Закрывайте карту, отправимся дальше.

Купец «М»

Приняв обязанности экскурсовода, старик широким жестом показал на вход в следующее здание.

– Сложно представить, что дом строился для состоятельных людей. У парадной двери два «украшения». Первая – стены обклеены портретами не пойманных «джентльменов удачи». Вторая – с деревенской непосредственностью на тротуаре укрепили две двутавровые стойки.

– В появлении «тавров» тоже я виноват?

– Нет. Как раз в этом вас никто не обвиняет. Это блюстители порядка. Отделение полиции. Не надеялись зодчие, которые строили, на такое дополнение.

– Не буду возражать, – согласился Поэт. – В мое время никто не безобразничал перед своим жилищем, мешая прохожим.

– Не будем ворчать, – сказал Старик. – От этого вид здания не изменится.

Он повернулся к дому напротив:

– Лучше полюбуемся нарядным стилем московского модерна начала прошлого века. Рустированные первые этажи дома. Монументальные эркеры. Далеко выступающие балконы.

По фасаду раскиданы орнаменты с играющими детьми на больших досках и растениями на малых. Принятых в до-

рогих доходных домах каменных чудовищ, отгоняющих все недоброе от жителей, заменили возмущенные женские маски.

– Возможно, – сказал Поэт, – имелись в виду инкубы, демоны разврата. Меня больше занимает декоративная стенка над венчающим сооружением карнизом. Знаете, древние греки называли их «аттиками» и венчали ими триумфальные арки, символы своих побед.

– Да, – согласился Старик. – Вижу две мужские маски по краям, поющие вечный гимн своему герою. В середине доски, в лучах славы, вознеслась заглавная буква «М». Инициал купца-застройщика. Больше информации о герое нет. Памятник рукотворный себе. Память о добрых делах, судьбе и портрет не сохранились.

– Историческое право государей награждать гербами. Дает ли богатство право на восхищение и монументы? Если его богатство лишь для себя, за что уважать человека? За обладание им толстой пачкой денег?

– В детстве, – вспомнил Старик, – был случай. Ломали старый дом, и в нем рабочие нашли клад: саблю и пачки старых денег. Бесполезные деньги бросили в печку. Они не сгорели, а вылетели в трубу. Представьте землю, покрытую чистым снегом, на котором равномерно лежат разноцветные бумажки с портретами императоров из дома Романовых. Значит, и те деньги, и буква «М» были неправильными?

– Ах, мне бы тот клад найти, – вздохнул Поэт и продолжил: – Давайте будем букву «М» считать шуткой. За оставленную красоту в камне. За деньги немалые, но не больше нескольких процентов от стоимости дома.

Гимназист на тумбе

Вдруг Поэт изменился в лице, попросил старика повернуться к улице и сам спрятался за него. И быстро заговорил:

– Извините, обстоятельства, позвольте раскланяться.

Старик удивился:

– Что произошло?

Поэт из-за его спины ответил:

– Вы не видите гимназиста с маленьким блокнотом, присевшего на камень?

– Что с того? Юноша как юноша.

– Вы не понимаете. Этот юноша из моего времени. Он повсюду преследует меня. У меня кризис. Денег нет – хоть вешайся. Впереди дуэль. А у этого мальчишки одни разговоры о моем всемирном значении. И нет возможности от него отвязаться. Оставляю вас. Прошу выполнить просьбу. Передайте мою трость одному человеку. Глаза серо-голубые, прическа, скажем прямо, никакая. Сам словно королева, но не молодая. Уверен, вы скоро с ним встретитесь.

Старик почувствовал в руке тяжелую вещь. Осторожно повернулся. Поэт исчез. Осталась дорога. Неспешно побрел мимо охраняемых ворот полиции. Старая стена, давно ждущая ремонта.

Утонул в асфальте наклонившийся столб, врос в землю улицы. Покрашенный грязной краской, зрительно не отли-

чимый от стены. А ведь это колесоотбойная тумба. Когда-то гордая, белокаменная, восьмигранная. Из прошлого, где основным транспортом были конные экипажи, от крестьянской телеги до кареты. Такие тумбы закапывались на треть высоты попарно, снаружи и внутри. И охраняли косяки ворот от колесных осей. На краю тумбы в неловкой позе, прислонив голову к стене, сидел задумавшийся русоволосый отрок пятнадцати годов, одетый в форму гимназиста. Одна рука лежала на колене, прижимая небольшую тетрадь, вторая безвольно опустилась.

«Что это за человек?» – подумал Старик и вежливо поинтересовался:

– Простите, рядом с вами можно остановиться, дух перевести?

– Че-чего? – испуганно произнес подросток. Неожиданный вопрос застал его врасплох. Демонстрировать блокнот с самыми сокровенными мыслями ему было досадно.

– Спрашиваю, отдохнуть здесь можно?

– Да-да, пожалуйста! – произнес юноша, отодвинулся от стены и быстро спрятал блокнот.

– Так, продолжаем разговор. Как, интересно узнать, вас зовут?

– Меня? – неуверенно прошептал юноша.

– Как меня зовут, я знаю!

– Фе-Федор.

– Федор. Значит, пока только Федор. Очень приятно. Ме-

ня можете звать запросто – Старик. И сразу будем на ты. Ну! Привет, Федор!

– Сударь! – гордо поднял голову мальчик. – Разве вам давали повод для подобной фамильярности?

– Нет, не давали, – огорчился Старик. И подумал о непростом возрасте собеседника.

Но разговор решил продолжить.

– Виноват. Но позвольте немного утомить вас своей тупостью. Вам сколько лет и из какого вы года?

– Мне пятнадцать лет, – подростковым басом ответил юноша. – Я живу в 1836 году от Рождества Христова. Невероятно. Улица, вижу, моя, а время – нет. Все изменилось.

Он недоуменно оглянулся, рассматривая дом справа. Длинный, высокий, безжалостно перестроенный, украшенный только двумя узкими эркерами.

Старик проследил за его взглядом. Дом появился семью годами позже постройки «господином «М» его дома в стиле «модерн». Возведенный им же. Эконом-вариант. Как почувствовал купец, что скоро сторит все его богатство в пожаре революций.

Гимназист удивился, не увидев на месте престижного пансионата для отпрысков из знатных и именитых семей, где около двух лет уже получает полное гимназическое образование. На его лице промелькнула тень беспокойства.

– Скажите, я вернусь в свое время?

– Конечно, – успокоил собеседника Старик. – Как разго-

вор закончим, так вы сразу назад. Продолжите образование. На выходные будете домой ездить, на Божедомку. И никогда не вспомните о нашей встрече. Только, будьте любезны, расскажите о себе.

– Главное о себе? Счастлив быть современником Великого Поэта. Перед которым преклоняюсь. Вам известно, что ваша трость похожа на вещь моего кумира? Про которую невероятное рассказывают.

Пришлось признаться, что это та самая трость, и поинтересоваться, где можно встретить господина странного вида, коему эта вещь предназначена.

В юном собеседнике произошла перемена. Он замолчал и, не отрываясь, остекленевшими глазами смотрел на трость. Старику это не понравилось. Он решил отвлечь молодого человека от нехороших мыслей.

– Зачем вы, Федор, все на палку тарашитесь? Думаете, мыслей ваших не ведаю? Про годы грустные, где оказались мишенью для насмешек и унижений за свою бедность. Как соглашаетесь изображать роль лакея в пансионе. Но в мечтах «пересоздаете жизнь на иной лад». Какую замечательную придумали «идею», которая сделает вас выше всех окружающих. Надо только решиться на небольшое преступление. И, совершив грех с благими намерениями, искупить вину добрыми делами. И все можно, поскольку вы человек избранный?

Молодой человек покраснел. Встал. Ссутулился, склонил

голову в сторону и сцепил ладони на груди. Застыл, как в столбняке.

Старик добродушно предложил ему:

– Да вы сидите. Еще настоитесь.

Юноша как будто очнулся и сказал:

– Вижу, в будущем старики скучны. Не понимают, что ваш пыльный мир не для молодых. Мы всегда лучше вас, умнее и добрее.

Старик улыбнулся. Подумал: «В этом возрасте возможно все. Обостренное восприятие действительности. Ощущение себя центром Вселенной. Радикальные мысли и поступки».

Вспомнил озарение тринадцатилетнего мальчишки, который ставил себя, ничем не прославившегося, в один ряд с гениями человечества. Определял свое предназначение. И мучивший вопрос: почему в тринадцать лет его никто не воспринимает всерьез? Дедушка по отцовской линии в этом возрасте женился и стал главой большой семьи.

Окружавший мир ему не нравился. Менять его юноша решил с себя. После долгих размышлений он объявил человечеству в лице одноклассников, что считает школу устаревшей.

«Глупо терять время на знания, которые никогда не понадобятся. Чему надо, жизнь научит». Объявил учебе бойкот. Не прогуливал, школа в соседнем доме. Сидел в классе на последней парте. Смотрел в окно, читал книги, игнорировал учителей. Пребывал в мире грез. В маске величия и снис-

ходительности. Ловить на себе любопытствующие взгляды приятно. Но когда все привыкли, внимание обращать перестали. Знакомый мир, которым он пренебрег, стал меняться. Неожиданно он понял, что разговоры в классе идут о не известных ему вещах. Как ему захотелось вернуться к обучению. Но страх стать объектом насмешек был сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.